

Русская Православная Церковь в западных губерниях Российской империи во время Отечественной войны 1812 года

Ситуация в западных губерниях Российской империи во время Отечественной войны 1812 года настолько разительно отличалась от положения в центральных районах страны, что современники дали поведению жителей Западного края жесткое определение *измена*, присовокупив к нему прилагательное *польская*. (Напомню, что западные губернии вошли в состав России за сорок лет до войны 1812 года в результате разделов Польши: в 1772 г. — Литва и Белоруссия, а в 1794—1795 гг. — так называемая Польская Украина.) И хотя, несмотря на открытый переход на сторону Наполеона большинства местных властей и части духовенства, общая ситуация в этом регионе не была столь однозначной. Упрощенное понимание этой проблемы, к сожалению, встречается в исторической науке до сих пор. Как правило, не учитывается специфика положения этих районов, т.е. относительно недолгое их пребывание в составе Российской империи, последствия многолетнего вхождения в состав Польского государства, а также политика Наполеона и Александра I в так называемом польском вопросе, сыгравшая важную роль в политической ориентации руководства Западного края России. Что касается Православной Церкви, то здесь, как правило, не учитывается то состояние, в котором она находилась долгое время в Литве и Белоруссии (об этом пойдет речь ниже), часто не принимается во внимание даже конфессиональная принадлежность духовенства, что просто недопустимо. Так, например, Н.А. Троицкий в монографии «1812. Великий год России», перечислив через запятую присягу Наполеону архиепископа Могилевского Варлаама (который действительно был православным) и богослужения, проведенные в честь завоевателя в Минске (как показывают документы, на которые ссылается автор, богослужения эти проходили в католических костелах), сделал обобщенный вывод, касающийся Церкви в целом (не только западных губерний, но и всей страны), заявив, что в 1812г. она «скомпрометировала себя перед Россией»ⁱ. А. И. Попов в статье «Религиозная пропаганда в 1812 году» пишет, что в Литве и Белоруссии «духовенство приняло сторону неприятеля» (т.е. имеется в виду *все* духовенство, что совершенно необоснованно) и поэтому грабежей храмов здесь не былоⁱⁱ. Последнее утверждение также не соответствует действительности. Архивные документы показывают, что грабежи и осквернения церквей и монастырей в западных губерниях случались неоднократно, хотя по сравнению с центральными районами страны они, конечно, не носили столь массового характера.

Цель сообщения заключается в том, чтобы определить сущность и причины «польский измены», проанализировать поведение православного духовенства Западного края России и показать степень его влияния на местное население.

Итак, как упоминалось выше, западные губернии вошли в состав Российской империи в первой половине 70-х годов XVIII в. До этого в течение четырех веков (с 1386 г.) они принадлежали Польскому государству, правительство которого проводило политику «ополячивания» и «окатоличивания» местного населения (последнему в значительной степени способствовало заключение унии с Римом на Брестском соборе 1596 г. и последовавшие за ним гонения на православных, отказавшихся перейти в униатство). Результатом этой политики стало фактическое слияние русско-литовской знати с католической польской шляхтой. Крестьяне при этом в большинстве своем, несмотря ни на что, продолжали исповедовать православие. После включения (западных губерний в состав России Екатерина II провела здесь ряд реформ в духе русской национальной политики. Было введено русское управление и законодательство, одновременно Православная Церковь получила все преимущества господствующей религии.

В царствование Александра I Северо-Западный край вновь подчинился польскому влиянию. Еще будучи наследником. Александр сблизился с князем Адамом

Чарторыйским, типичным представителем принявшей католичество и ополяченной русско-литовской знати. В дружеских откровенных беседах с Александром Чарторыйский сумел внушить будущему русскому императору симпатию к полякам, представив их как угнетенный народ, лишившийся национальной независимости и переживающий тяжкие страдания.

Вступив на престол, Александр в Северо-Западном крае почти полностью восстановил польское управление. (Было вновь уста новлено самоуправление посредством созыва сеймиков, на которых свободно избирались судьи и другие должностные лица. При этом русское население не имело права голоса и все дела вершили панями и шляхтой. Все важнейшие отрасли управления решали в руки поляков.) Александр Чарторыйский был вполне искренно предан Александру I, но в своих политических мечтах видел Польшу восстановленной в былой славе, а польскую корону мысленно отдавал российскому императору. Однако покровительство Александра I не простиралось до восстановления Польши в пределах 1772 г. Поэтому накануне Отечественной войны «русские» поляки переориентировались на Наполеона, надеясь решить эту задачу при его посредстве. Не собираясь возрождать Польшу, однако не стесняясь в средствах для достижения собственных целей, Наполеон в «польском вопросе» искусно разыграл политическую интригу, результатом которой, в частности, и стала измена правительству Александра I со стороны местных властей Северо-Западных стран России.

Еще задолго до 1812 г. Наполеон принял по отношению к полякам политику не к чему не обязывающих обещаний, подстрекая их национальные чувства, но не давая никаких серьезных доказательств своего сочувствия идее восстановления Польского королевства. Несколько лет он играл разделенной между тремя державами Польшей, являвшейся готовой угрозой против Австрии и Пруссии и очагом недовольства и протеста против России. В ожидании осуществления своей мечты поляки в массовом порядке вступали в ряды Великой армии и сражались за интересы Франции, являясь на деле для Наполеона, по его собственным словам, лишь «дисциплинированной военной силой, чтобы меблировать поле битвы». В 1807 г. посредством Тильзитского мирного договора было искусственно создано герцогство Варшавское. Это государство, названное Александром Чарторыйским «при знаке прежней Польши»ⁱⁱⁱ, рассматривалось Наполеоном как стратегический плацдарм для нападения на Россию и как очаг для распространения антирусской пропаганды в ее северо-западных губерниях.

Накануне Отечественной войны 1812 года из герцогства Варшавского и русский Северо-Западный край посылались агенты, которые распространяли книги и брошюры с молитвами в честь Наполеона, покровителя поляков, и с весьма недвусмысленными выпадами против русских. Говорилось о присоединении в случае победы Наполеона западных губерний России к герцогству Варшавскому, которое тогда будет переименовано в королевство.

Александр I знал по донесениям русских чиновников о настроениях в Северо-Западном крае, но все же открытый переход поляков на сторону неприятеля в 1812 г. произвел на него крайне тягостное впечатление.

Наиболее ярко «польская измена» проявилась в Литве, где образовавшееся временное правительство (Литовская конфедерация) примкнуло к генеральной Варшавской конфедерации, а многочисленные местные обыватели торжественно отмечали победы Великой армии, дни рождения Наполеона и императрицы Марии-Луизы и другие французские праздники, которые сопровождались богослужениями в католических костелах ряда городов (Вильны, Минска, Волковыска, Свенцяна, России и др.)^{iv}.

В Белоруссии также было образовано временное правительство, в состав которого наряду с французскими интендантами вошли и некоторые местные дворяне. Однако многие из дворян при приближении неприятеля бежали, бросив свое имущество. Белорусские крестьяне, тяготевшие к России по вере и национальной принадлежности, также уходили в леса. Оказывая пассивное сопротивление противнику, они (в отличие от народа коренной России) воздерживались от активных действий (нападений на французские отряды). Причинами отсутствия здесь «народной войны, на наш взгляд, явились относительно недолгое пребывание в составе Российской империи, многовековое феодальное и религиозное угнетение крестьян, отсутствие под держки со стороны местных властей, а также неимение лидеров из среды духовенства, способных организовать

движение сопро тивления.

Православное духовенство западных губерний, привыкшее к многолетним притеснениям, в период оккупации неоднократно подвергалось гонениям (как со стороны неприятеля, главным образом поляков и саксонцев, так и со стороны местных польских помещиков, перешедших на сторону противника). Так, например, согласно донесению Святейшему Синоду епископа Волынского-Житомирского Даниила, протоиерей Владимирского Успенского собора Василий Малевский и письмоводитель Владимирского Духовного правления коллежский регистратор Григорий Занозовский были взяты в плен и отправлены в Люблин за хранение в соборном погребе 10 бочонков пороха, помещенных туда владимирским городничим Янковичем. Арестованы были также еще четыре священника (благочинный Владимирского повета священник села Мышева Павел Климович; священник села Боротчик Стефан Боговский; благочинный Луцкого повета священник села Бискупич Иоанн Кондратович; священник села Садова Василий Жуконский) и два дьякона (села Бискупич Иван Патрикеевич и села Садова Лука Савицкий). Священник местечка Лобановка Ду-Венского повета Симеон Шавловский претерпел побои от неприятелей, а священник села Купель Луцкого повета Иоанн Малитинский был принужден местным помещиком Целецким перенести из одного села в другое карету, подаренную им начальнику саксонского войска. Предварительно Целецкий избил священника со словами: «Я теперь тебе и начальник, и архиерей, и император». Помещик Перетлткович избил плетью пономаря села Залужья Михаила Желегевича, угрожая при этом «в скором времени всем духовным обрезать бороды»^v.

Православные храмы западных губерний нередко подвергались разграблению. В Волынского-Житомирской епархии, где неприятельскими войсками были оккупированы четыре уезда (Ковельский, Владимирский, Луцкий и частично Дубенский), пострадали 12 церквей. Из двух храмов Ковельского повета оккупанты вывезли святыне престолы и все церковные вещи, превратив один из них - Преображенскую церковь села Туриска — в конюшню, а другой — Георгиевскую церковь села Голоб — в лазарет. Из Владимирского Успенского собора были украдены серебряные церковные сосуды и хранившиеся здесь деньги (собора и Духовного правления). Остальные церкви пострадали незначительно — у их погостов были разобраны ограды. Общая сумма ущерба, понесенного церквями этой епархии, составила 775 руб. 85 коп.^{vi} Духовенство епархии понесло убытка от неприятельского нашествия на сумму 29 029 руб. 70 коп. (После войны Святейший Синод из суммы, пожертвованной Комиссией духовных училищ, на восстановление разрушенных церковных и монастырских зданий и на оказание помощи пострадавшему духовенству (3500000 руб.), выделил Волынского-Житомирской епархии 4711 руб. 65 коп. (4311 руб. 85 коп. — на оказание помощи духовенству и 400 руб. — на восстановление церковных зданий. Большая часть приходских храмов была восстановлена на средства прихожан)^{vii}.

В Могилевской епархии из 13 монастырей были разорены три: два мужских — Могилевобратский и Полоцкий Богоявленский и один женский — Оршанский. Остальные (кроме Охорского, Невельского и Чонского, где неприятелей не было) «потерпели разграбление в съестных годовых припасах»^{viii}. Из 375 церквей епархии было сожжено четыре храма, разорено — четыре (в том числе соборы г. Витебска и г. Динабурга), повреждено — три^{ix}. (После войны Святейший Синод выделил Могилевской епархии 58561 руб. 19 коп. на восстановление разоренных церквей и 29236 руб. 70 коп. на вспомоществование духовенству.)^x

В Минской епархии из 11 монастырей серьезно пострадал один — Виленский Святодухов (неприятели разорили, частично сожгли и завалили нечистотами все здание этой обители). В трех монастырях (Драгочинском Троицком, Вельском Николаевском и Заблудском Успенском) были разграблены съестные припасы и хозяйственные вещи. В епархии были сожжены пять церквей (одна — в Минске и четыре — в Минской губернии), разорены — четыре, повреждены — три, церковная утварь похищена в 24 храмах (17 — в Минске и 7 — в Минской губернии)^{xi}. (На исправление церковных зданий Минская епархия получила после войны от Святейшего Синода 9676 руб. 74 коп., на пособия разоренному духовенству — 23941 руб. 35 коп.)^{xii}.

В период оккупации православные священнослужители западных губерний в

большинстве своем, как правило, проводили по литику невмешательства, за исключением измены Могилевского архиепископа Варлаама (Шишацкого), который по приказу графа данского начальства (временной Комиссии) сам принес присягу на верность Наполеону и побудил к этому подчиненное ему духовенство, часть которого подчинилось его требованию.

В ходе следствия, проводимого (с декабря 1812 г. по август 1813 г.) по приказу императора Александра I, членом Святейшего Синода архиепископом Рязанским Феофилактом, точную численность и полный список присягнувших Наполеону священно- и церковнослужителей установить не удалось, так как присяжные листы были отосланы во временную Комиссию и не сохранились. Поэтому в докладе Святейшего Синода Александру I (от 1 мая 1813 г.) по этому поводу были приведены сведения, почерпнутые из письма архиепископа Варлаама Преосвященному Феофилактору (от 2 января 1813 г.), где сообщалось, что «не было у присяги духовенства не менее двух третей, ибо до некоторых мест неприятельская власть не достигала, в других слабо действовала, а затем православные духовные удобно могли от присяги уклониться, хотя консистория, для виду, об одной им подтверждала». (Отметим, что в донесении архиепископа Феофилакты Святейшему Синоду, написанном 1 января 1813 г., т.е. до получения им письма Варлаама, сообщалось, что «Присягу на верность врагу Отечества учинили две трети духовенства Могилевской епархии».) Согласно сохранившимся в Могилевской духовной консистории рапортам благочинных и духовных правлений, принесли присягу на верность Наполеону священно- и церковнослужители городов: Могилева, Мстиславля, Чаусов, Быхова и Чериконз. Уклонилось от присяги духовенство в Копысе («за неявкой» туда - с светской стороны чиновника») и в Климовичах (ибо «тамошний Духовный Заказ не понял силы Консistorского предписания»)^{xiii}.

Поступок Варлаама (Шишацкого) в истории Русской Православной Церкви был настолько исключительным, что на протяжении столетия «Могилевская церковная смута» привлекала внимание многочисленных исследователей, которые пытались объяснить причины поведения архиепископа Варлаама^{xiv}.

Сам Варлаам объяснил свой поступок следующим образом: в Месте раздраженного против меня врага, конечно, бы излилась на мою паству, и я бы невольно сделался причиною злоключения для тех, за коих, в нужном случае, душу свою положить должен^{xv}. Поэтому ради спасения многострадальной Белорусской Церкви он решил «по наружности» нарушить «обязанности верноподданного, дабы в самом деле тем паче их выполнить, сохраняя в спокойствии и тишине врученную» ему «церковь»^{xvi}.

Святейший Синод не считал убедительными объяснения Варлаама и признал его виновным в клятвopеступлении, в том, что он не только «не показал себя примером пастве своей в непоколебимой верности законному своему Государю, но навлек в таковое преступление многих из своих подчиненных»^{xvii}, а также в том, что покорившись неприятелю, выполнял его требования. (По указанию Могилевской городской полиции 3 и 13 августа были отпразднованы дни рождения Наполеона и императрицы Марии-Луизы. В это время архиепископ Варлаам провел богослужение в Могилевском кафедральном Иосифовском соборе и побудил священника этого собора Максима Пиучевского прочитать в честь Наполеона две проповеди, автором которых был сам Варлаам. Кроме того, по предписанию Варлаама, Могилевская духовная консистория распространила по епархии присланные из временной Комиссии бумаги с призывом к крестьянам повиниться своим помещикам и выполнять требования французской армии.) В качестве наказания Святейший Синод постановил: лишить Преосвященного Варлаама архиепископства и священства, отобрать у него знаки ордена Св. Анны 1-й степени и, оставив его только в монашеском, определить на пребывание в 1-го класса Новгородско-Северский Спасский монастырь Черниговской епархии^{xviii}.

Священно- и церковнослужители, участвовавшие в принесении присяги Наполеону по примеру и предписанию архиепископа Варлаама, были оставлены в прежних званиях и после проведения следствия вновь допущены к богослужению. Для искупления вины Синод предписал им шесть воскресных дней, после отправления Божественной литургии, при собрании народа, полагать перед местными святыми иконами по 50 земных поклонов. Другие меры для очищения совести этих клятвopеступников должны были принять их духовные отцы.

Среди Могилевского духовенства, как показано выше, были те, кто отказался присягнуть Наполеону. Например, протоиерей города Копыса Павел Вронченко сам остался верным императору Александру I и убедил в этом всех своих прихожан. За отличную службу Святейший Синод выдал ему 500 руб. пособия и пред ставил к награждению наперсным крестом^{xix}. Протоиерей местеч ка Чечерск Герасим Курганский в начале войны отдал и ополче ние своего единственного сына. Оставшись с дочерьми и Чечерске, он регулярно проводил крестные ходы, коленопреклоненные молебны о поражении врагов, призывая прихожан уповать на Бога и соблюдать верность императору Александру I. Когда неприятельский отряд приблизился к Чечерску, протоиерей Кур ганский убедил духовенство и прихожан отправиться навстречу врагу, держа в руках иконы и хоругви, в результате чего нападе ние было отражено^{xx}. Однако, несмотря на наличие в Могилевской епархии таких убежденных патриотов, как протоиереи Вронченко и Курганский, общая ситуация там не способствовала тому, чтобы их высокая патриотическая позиция сколь-либо существен но повлияла на судьбу этого края в 1812 году.

В заключение хочется отметить, что при дальнейшем изуче нии ситуации в западных губерниях во время Отечественной войны необходимо более внимательно исследовать весь комп лекс сохранившихся источников и учитывать всю совокупность обстоятельств. Что касается Православной Церкви западного края Российской империи, то тезис о ее измене в 1812 г. представля ется нам весьма необоснованным и упрощенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Троицкий НА* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 216.

ⁱⁱ *Попав А.И.* Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполе оновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конфе ренции. Москва, 26 апреля 2001 года. М., 2001. С. 196.

ⁱⁱⁱ Акты, документы и материалы для политической и бытовой исто рии 1812 года/Пол ред. К. А. Военского. СПб., 1909. Т. I. С. XX.

^{iv} Там же. С.263. 269, 272-273, 293-296, 298, 300-301, 359-368, 373, 375.

^v Там же. С. 519-521.

^{vi} РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 13. Л. 6-9, 26-27; Акты, доку менты и материалы... Т.1. С. 519, 522.

^{vii} РГИА. Ф. 797. Оп. 2 Д. 4720. Л. 9.

^{viii} Там же. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 6. Л. 65 (об.) - 66.

^{ix} Там же. Л. 38; НГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 45.

^x РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

^{xi} Там же. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1032. Ч. 8. Л. 18, 55.. 102. 111; РГВИА. Ф. ВУА. оп. I. Д. 3465.Ч. 10. Л. 58-60.

^{xii} РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4720. Л. 9.

^{xiii} Акты, документы и материалы для политической и бытовой ис тории 1812 года. СПб.. 1912. Т. 3. С. 226. 241.

^{xiv} Записки игумена Ореста // Археографический сборник докумен тов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского Учебного Округа. Вильна, 1867. Т. П. Прил. С. I—С1; *Хойнацкий А.Ф.* Правда об Архиепископе Варлаачс, бывшем персом Епископе Волынском, а затем Архиепископе Могилейском. скончавшемся в звании простого монаха и другие некоторые сведения необходимые для истории Волынской семинарии // Волынские Епар хиальные Ведомости. 1879. № 8. С. 323-329; *Он же.* Варлаам Шишаи-кий бытии и Архиепископ Могилевский: Из истории 1812 года //Ис торический Вестник. 1881. № 7. С. 522-543; *Паялоаскиа И.* К правде относительно Архиепископа Варлаама// Волынские Епархиальные Ве домости. 1879. № 10. С. 402; *Он же.* Крамольная присяга. К биогра фии Архиепископа Варлаама Шишацкого// Церковно-Общешенный Вестник. 1879. № 61; *Гильтебрандт П.А.* Расстриженный Архиепископ Варлаам Шишацкий // Древняя и Новая Россия. 1879. № 12. С. 586— 588; *Браиловский С.Н.* Могилевская церковная смута // Исторический Вестник. 1893. № 10. С. 231-244 и др.

^{xv} Акты, документы и материалы... Т. 3. С. 233.

^{xvi} Там же.

^{xvii} Там же. С.249.

^{xviii} Там же. С.249

^{xix} РГВИА Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 10. Л. 46-47.

^{xx} Московские ведомости. 1813. №37. С. 1037-1038.